

Государственная научно-технологическая политика России и ее регионов в условиях глобализации и деглобализации*

State Scientific and Technological Policy of Russia and Its Regions in the Context of Globalization and Deglobalization

Т. АХМЕТОВ

Ахметов Тагир Ремалевич, канд. экон. наук, старший научный сотрудник сектора экономической безопасности Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН. ORCID: 0000-0002-3857-6174. E-mail: docant73@mail.ru

Экономическая и политическая глобализация обернулась усилением глобального давления западных стран на Россию. Можно говорить о деглобализации – процессе, являющемся противоположностью глобализации, в рамках которой единый глобальный центр охватывал своим научно-технологическим влиянием множество отраслей знаний России и ее регионов. Результатом обострения противоречий с западными странами стало усиление деглобализационных процессов, возникновение самостоятельных центров силы и развитие множества ядер мировой экономики в регионах, которые ранее стремились к участию в глобальном проекте Запада. Государственная научно-технологическая политика призвана явить к жизни те механизмы и стимулы экономического развития, которые могут стать основой политического возвышения России как одного из ядер регионального развития в ЕАЭС.

Ключевые слова: государственная научно-технологическая политика, регион, государственная политика, высокотехнологичный сектор экономики, деглобализация, глобализация, санкции стран Запада.

Economic and political globalization has resulted in increased global pressure from Western countries on Russia. There is such a phenomenon as deglobalization, which is the reverse side of globalization. In the past, a single global center covered many branches of knowledge of Russia and its regions with its scientific and technological influence. There was a conflict, before a single global world, subordinated to the rules of the global center. As a result of the aggravation of contradictions with Western countries, the deglobalization processes are intensifying, the division into independent centers of power and the development of many cores of the world economy, which in the past sought to participate in the global project of the West. The state scientific and technological policy is designed to bring to life those mechanisms and incentives for economic development that can become the basis for the political rise of Russia as one of the cores of regional development in the EAEU.

Key words: state scientific and technological policy, region, state policy, high-tech sector of the economy, deglobalization, globalization, sanctions of Western countries.

Основные положения

1. Россия оказалась в субъектно-объектных взаимоотношениях с западными странами в роли периферии, что является сутью противоречий между Западом и нашей страной.
2. Государственная научно-технологическая политика призвана явить к жизни те механизмы и стимулы экономического развития, которые могут стать основой политического возвышения России как одного из ядер регионального развития в ЕАЭС.
3. Формирование региональной инновационной системы (РИС) для Республики Башкортостан станет сильным стабилизирующим фактором развития экономики в ближайшее будущее.

* Ссылка на статью: Ахметов Т.Р. Государственная научно-технологическая политика России и ее регионов в условиях глобализации и деглобализации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 2. С. 6–10. DOI: 10.34773/EU.2024.2.1.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 годов.

Введение

Некоторые кризисные явления в процессах глобализации мировой экономики [11], проявляющиеся в экономической, политической, информационной сфере, обозначены как деглобализация [4]. Она заключается в начале формирования биполярной мировой политической системы, а затем и реализации многополярного (полицентричного) мира. Политико-философская и культурологическая сущность происходящего необъяснима отдельными отраслями науки, только междисциплинарный подход дает определенные ответы на дезинтеграционные процессы, происходящие в мировой экономике, которую прежде можно было назвать глобальной. Основными категориями, которыми оперирует глобалистика, являются «глобализация», «глобальный мир», «планетарные процессы», «глобальные проблемы», «глобальное человечество», «мировой кризис», «мировая война», «глобальный терроризм», «мировой океан», «ядерная безопасность», «глобальный кризис» и другие. Двойственный характер самой глобализации выражается в ее постоянном прерывистом продвижении. Появляется термин «деглобализация», продвигаемый группами антиглобалистов [8], самими глобалистами, реглобалистами [1] и альтерглобалистами [19].

Отличие между глобализацией и деглобализацией – в приставке *де-*, которая указывает на «удаление, отмену, прекращение, устранение чего-либо». Она обозначает *обратное действие, движение вниз, снижение*.

Результаты

Термин «глобализация» введен в научный оборот Р. Робертсоном [10] как определение естественного, объективно развивающегося процесса, выходящего за рамки *социума*, стоящего в одном ряду с глобальными процессами, протекающими в *геосфере* (литосферными, гидросферными, атмосферными) и *биосфере* (касательно фауны и флоры на планетарном уровне). Деглобализация происходила с различной интенсивностью. Вначале она шла незаметно, и обозначалась отдельными моментами в политической и общественной сфере [15], затем все более оформлялась как разделение мира на приверженцев западных ценностей и традиционных [18], а впоследствии реализовалась в предпосылках военно-политических конфликтов по всему миру [14].

Эти сложные процессы не всегда поддаются предсказанию в рамках отдельных дисциплин. Так, экономика, отойдя от политэкономических подходов, не в состоянии определить нарастающие противоречия и закономерности политических конфликтов, проявляющиеся в экономическом противостоянии и приводящие к глобальным последствиям. Деглобализация как явление глобального мира проявляется в технологической сфере постоянно (например, запрет «Сбербанку» приобрести компанию Opel), в финансовой сфере – перемененно (ограничение доступа различных стран мира к золотовалютным резервам (далее – ЗВР)), в логистической сфере – разово (отказ страховать, оформлять сделки и обслуживать морские перевозки России) [12]. Технологический фактор выступает основой сдерживания различных стран мира в развитии [3], таким образом, государственная научно-технологическая политика приобретает особое значение. Именно она способна нивелировать все внешние вызовы в адрес государств [9; 13], стремящихся к суверенизации, но ограничиваемых западными странами. Деглобализация стала ответом на активно распространяющиеся социальные сети, гаджеты, криптовалюты и надувание финансовых пузырей сверх обязательств виртуальных и интернет-компаний [4; 6]. Затем последовало политическое давление западных стран, сопровождаемое отстаиванием неомодернистских ценностей. Все это последствия и атрибуты пятого технологического уклада, стагнация которого порождает ажиотацию, затем панику на фондовых рынках [7]. В производственной сфере происходила не всегда оправданная всеобщая роботизация и автоматизация, распространились преувеличенные ожидания всеобщности процессов вытеснения рабочей силы из технологических процессов и массивификации страхов безработицы.

Специалисты-футурологи описывают мрачные картины будущего с господством искусственных интеллектуальных мощностей и биоинженерной революции. Тем не менее, быстрый и поступательный экономический рост в Китае, Индии и иных странах Индокитая сопровождается оптимизмом в странах Юго-Восточной Азии. Научно-технологическое развитие в этих странах по типу догоняющего развития оправдывает прогнозы развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР). Благодаря государственной научно-технологической политике и перенятым у западных стран передовым технологиям, произошел перехват суммы технологических приемов пятого технологического уклада. Именно эти страны стали обладателями ядра глобального экономического развития. Ранее подобное происходило уже неоднократно в США (XVIII-XIX вв.), странах Европы (XV-XX вв.), Советском Союзе (XX век). Любой спад технологического уклада оборачивался усилением противоречий, выливающихся в экономические войны, политическое, и, впоследствии, военное противостояние. От гражданского сектора, растущего в период роста технологического уклада, в периоды спада происходит переток к военному производству. С этим связаны процессы глобализации (рост технологического уклада) и наступления периода деглобализации (падения технологического уклада). Догоняющий тип развития характеризуется начальным длительным этапом формирования и накопления высоких качеств человеческого капитала. Каждый раз страна, перенимающая технологии, занималась накоплением знаний, компетенций, нематериальных активов (далее – НМА) и объектов интеллектуальной собственности (ОИС). Предложение внешним инвесторам дешевых факторов производства являлись, по сути, накоплением производственных технологий, а государственная научно-образовательная политика, дорабатывая и абсорбируя их в научно-образовательном комплексе страны, формировала собственные точки роста и конкурирующие на внутреннем рынке производственные компании. Опыт Японии 1950-60-х годов, Южной Кореи (1970-80-е), Китая (1980-90-е), показывает приверженность именно данному подходу в развитии экономики. Глобализация явилась поддерживающим фактором данной политики, открывая мировые рынки для промышленной продукции из АТР. Деглобализация означает сокращение возможностей для использования подобной модели, но без нее дальнейшее формирование одного из центров развития многополярного мира невозможно.

Национальная инновационная система (далее – НИС) России имеет свои характеристики и отличия от НИС других стран. Ниже приведены некоторые ключевые характеристики и отличия НИС России.

Исторические особенности. В НИС России фундаментальные исследования сохранены, прикладная наука сокращена.

Государственное участие. Государство – ключевой источник финансирования науки и инноваций.

Основной акцент. Сильные фундаментальные исследования и слабость НИС.

Инновационная инфраструктура. Некоторые регионы России, такие как Москва и Санкт-Петербург, имеют развитую НИС, что нехарактерно для остальных регионов страны.

Кадровый резерв. Россия пока обладает фундаментальной наукой, но молодые таланты в отсутствие развитой НИС стремятся самореализоваться за рубежом.

В России государственная научно-технологическая политика основывается на государственной программе Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», введенной Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377, Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и Стратегией пространственного развития Российской Федерации, претерпевшей изменения согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 25.06.2022 г. № 1704-р. Общие цели данных документов в части научно-технологического развития: увеличение интеллектуальной составляющей потенциала нации; научно-техническая и интеллектуальная обеспеченность структурной перестройки

экономики; эффективность технологического обновления в научном, научно-техническом и инновационном (высокотехнологичном) развитии.

Задачи: обеспечение условий развития талантов и профессионализма в науке, инженерии и предпринимательстве; повышение капитализации образовательного потенциала; новые знания от фундаментальных исследований; поддержка «жизненного цикла» знаний за счет их восприятия в экономике и обществе, развитие наукоемкого бизнеса; опережающее развитие научно-технологической и инновационной инфраструктуры, включая «Мегасайенс» и ее информационное обеспечение.

В результате должен реализоваться глобальный проект построения НИС России, способный конкурировать со странами глобального центра. Необходимо отметить, что до 2030 года на эти цели предусмотрено направить несколько триллионы рублей (с учетом вложений частного бизнеса). На настоящий момент реализуемые мероприятия помогли создать национальные исследовательские университеты и научные центры, но реализация всего объема заявленных целей и задач потребует ускорения реализации намеченных планов.

С использованием методов сравнительного анализа и программ искусственного интеллекта с сайтов GPTchatbot.ru, chat-gpt.com (3.5 и 5) [5; 16; 17] производилась типологизация регионов по показателям развитости инновационной системы и институтам развития. Эти типы регионов классифицируются с учетом следующих факторов: инновационная активность, развитость инновационных инфраструктурных объектов, доступность финансирования и поддержки, наличие научных и образовательных организаций.

Инновационные центры. Москва и Санкт-Петербург обладают развитыми РИС, университетами, исследовательскими центрами, технопарками и индустриальными парками с широким доступом к финансированию и иной поддержке.

Инновационные регионы. Новые инновационные центры – Новосибирск, Екатеринбург, Казань и Нижний Новгород – сочетают быстро развивающиеся РИС, науку и инновационную инфраструктуру.

Регионы со средним уровнем развития (города-миллионники). Крупные города России – Уфа, Челябинск, Самара и т.д. – обладают развитыми научными компетенциями и инновационными активами.

Регионы с низким уровнем развития (города-полумиллионники). Большинство удаленных и труднодоступных регионов и городов России – Республика Бурятия, Еврейский автономный округ и т.д. – имеют ограниченные возможности финансирования науки и инноваций.

Специализированные инновационные кластеры. Наукограды, связанные с развитием определенных отраслей знания и человеческой деятельности (информационные технологии, медицина, энергетика и др.) – Дубна, Новосибирский наукоград, Иннополис (Татарстан) и т.д.

Инновации в сельских регионах. Наблюдается развитие РИС в сельских регионах России: Краснодарский край, Ставрополье и т.д. Они разрабатывают инновации в сельскохозяйственной отрасли и природопользовании.

Представленное исследование прошло перепроверку с использованием средств искусственного интеллекта с двадцатикратной итерацией текстового запроса, вплоть до достижения устойчивого получения однозначно трактуемых результатов типологии регионов (итерация запросов является каждый раз измененную форму запросов, целью данного метода является получение устойчивого и однозначного результата для перепроверки исследований).

Выводы

Необходимо отметить, что развитие РИС зависит от институтов развития, частных интересов на уровне федерального центра и региона, иногда – муниципалитета, выступающих инициаторами подобного развития территории. Это зависит от самых разнообразных факторов, включая федеральную и региональную политику в отношении НИС и РИС, подготовки и удержания высококвалифицированных кадров, развитость механизмов ГЧП, заинтересованность бизнеса и инвесторов. Наиболее устойчивыми в условиях перехода от

глобализации к деглобализации являются страны и регионы, обладающие наилучшими НИС и РИС.

Литература

1. Архипова В. В. Мировая финансовая система: глобализация или деглобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 40–49.
2. Деглобализация: кризис неоллиберализма и движение к новому миропорядку: научный доклад / Р.А. Абдулов, Д.Б. Джабборов, О.О. Комолов, Г.А. Маслов, Т.Д. Степанова. М., 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/350878182_DEGLOBALIZACIA_KRIZIS_NEOLIBERALIZMA_I_DVIZENIE_K_NOVOMU_MIROPORADKU
3. Иванов П.А. Оценка экономической безопасности региона (на примере Республики Башкортостан и Ивановской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 7 (352). С. 1270–1282.
4. Гайнанов Д.А., Климентьева А.Ю. Развитие региональной инновационной подсистемы на основе модели дисбалансов // Теоретическая и прикладная экономика. 2018. № 2. С. 91–99.
5. Нейросеть Чат GPT [Электронный ресурс]. URL: <https://GPTchatbot.ru>
6. Низамутдинов М.М., Орешников В.В. Моделирование влияния социальной инфраструктуры на рождаемость в регионах России // Регион: экономика, социология. 2022. № 4 (116). С. 81–106.
7. Низамутдинов М.М., Ахметзянова М.И., Аитова Ю.С. Подходы и инструментальные средства моделирования взаимовлияния миграционной активности населения и экономического развития территорий // Экономика промышленности. 2022. Т. 15. № 3. С. 367–379. DOI: 10.17073/2072-1633-2022-3-367-379.
8. Паньков В. С. 2020 год – глобализация или деглобализация? // Международная жизнь. 2010. № 5. С. 163–176.
9. Печаткин В.В. Современные угрозы национальной безопасности страны и их нейтрализация на основе повышения эффективности использования инновационного потенциала региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9. С. 192–204.
10. Робертсон Р. По миру рассеяно много потенциальных Обам // Русский журнал. 2009. № 26. С. 6–7.
11. Тройхо М. Краткая история деглобализации / ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20170323/238938650.html>
12. Финансовый потенциал региона: достижение стратегических приоритетов и обеспечение национальной безопасности РФ и ее субъектов / Н.И. Климова, Т.Ю. Алтуфьева, Е.А. Гафарова [и др.]. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2016. 222 с.
13. Финансово-инвестиционная поддержка развития территорий различной стадийной принадлежности: коллективная монография / Н.И. Климова, Т.Ю. Алтуфьева, П.А. Иванов [и др.]. Уфа: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, 2019. 112 с.
14. Чумаков А.Н. Глобализация как катализатор развития и упадка империй // Век глобализации. 2022. № 3(43). С. 3–17.
15. Чумаков А.Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 39–51.
16. GPT3.5-Chatbot [Electronic resource]. URL: <https://chat-gpt.com/chat>
17. GPT 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://gpt5.uk/>
18. Chumakov A. N. What Must We Do Confronted with Globalization? // This Globalizing World. Volgograd: Uchitel', 2015. ISBN: 978-5-7057-4340-7. Pp. 30–41.
19. Livesey F. Unpacking the Possibilities of Deglobalisation // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2018. Vol. 11. Pp. 177–187. DOI:10.17863/CAM.20934.